

Валентина Мельникова: «Я не могу вспомнить каких-то существенных прорывов в работе нашей Комиссии»

Валентина Дмитриевна Мельникова (родилась в 1946 году в Москве) — российский правозащитник и политик. Окончила геологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Работала инженером во Всесоюзном НИИ минерального сырья. С 1989 года вела правозащитную и просветительскую работу во Всесоюзном комитете солдатских матерей, затем — в Комитете солдатских матерей России, стала пресс-секретарем организации. С 1990 по 1995 год — соучредитель и заместитель директора малого предприятия «Хронос» по производству приборов рентгеновского неразрушающего контроля. В 1998 году стала инициатором учреждения Общероссийской ассоциации «Союз комитетов солдатских матерей России», избрана ответственным секретарем Союза. В ноябре 2004 года на учредительном съезде избрана председателем Единой народной партии солдатских матерей. Состояла членом Общественного совета при Министерстве обороны РФ, входила в Комиссию по комплектованию войск по призыву и контракту. После объединения Партии солдатских матерей с Республиканской партией России избрана на съезде в декабре 2005 года сопредседателем Республиканской партии, которым была до 2012 года. С 2012 года — член Бюро Федерального политического совета партии. В 2011 году заняла 22-е место в рейтинге «100 самых влиятельных женщин России» по версии радиостанции «Эхо Москвы», журнала «Огонек» и Агентства «Интерфакс». Член Комиссии по правам человека при Президенте РФ под председательством В.А. Карташкина.

Ред. Валентина Дмитриевна, вы ведь в первый состав Комиссии по правам человека не входили?

В.М. Я работала с Комиссией, когда ее возглавлял Сергей Ковалёв, в качестве эксперта. В состав Комиссии не входила. Методика работы была такая: надо первым делом найти тот орган, который принимает решение. Если эта структура помогает, мы это тут же используем.

Потом, когда пришел в качестве председателя Комиссии по правам человека Владимир Карташкин, мне предложили войти в состав Комиссии (сейчас уже не помню в деталях, как это было), и я с удовольствием согласилась. Было понятно, что методически этот состав Комиссии будет действовать по-другому, но она необходима. И в рамках возможного там можно будет что-то сделать.

Стиль работы был *академический*. Мы регулярно готовили доклады, в которых отражалась и моя тема — соблюдение прав военнослужащих. Помню, что активно занимались ситуацией с народами Севера, было несколько заседаний по этой теме. Надо бы посмотреть архив, так сразу сейчас все и не вспомнишь. Как я говорю, три войны прошло с тех пор.

Технология была такая. Довольно много рассуждали, но, как только кто-то говорил о конкретных проблемах конкретных категорий людей, его сразу все поддерживали. Все-таки Комиссия имела статус. Был шанс, что называется, через одно рукопожатие, послать сигнал главе государства. И помогало то, что люди в составе Комиссии были эрудированные.

Конечно, после ухода диссидента и правозащитника Сергея Адамовича Ковалёва в работе Комиссии наступил более, скажем так, прохладный период. Но юридически оформлено все было очень грамотно. На события мы реагировали, старались вмешаться. Там не было работы с индивидуальными жалобами граждан, которую вел потом Уполномоченный по правам человека в РФ, но в конкретных делах старались помочь. Ни к кому из коллег у меня не было никаких претензий. Все разумные доводы, разумные предложения всегда поддерживались.

Документ

«В связи с 50-летием Всеобщей декларации многочисленные конференции, семинары и круглые столы проходили во многих регионах Российской Федерации. Так, в Саратове 8–10 октября состоялась конференция “Права человека — пути их реализации”, в Уфе 16-17 ноября — «Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир», в Казани 3-4 декабря — “Формирование правового государства, демократия и защита прав и основных свобод человека в Российской Федерации”».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1998 году»

Ред. Как вы контактировали с властями?

В.М. Мы имели возможность авторитетом Комиссии, хоть и не напрямую, давить на своих военных оппонентов. Докладами, ссылками на то, что проблемы обсуждались. Но все равно: все решения по моему направлению деятельности принимались президентом, министром обороны. Сама Комиссия ничего сделать не могла. С другой стороны, напомнить, что есть проблема, удавалось всегда.

Документ

«С принятием в 1998 году Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” значительно укреплены правовые основы ее прохождения. Ведется разработка проекта Положения о прохождении военной службы, которое упорядочит вопросы исполнения военной службы различными категориями военнослужащих.

Несомненно, положительно на защите здоровья и жизни военнослужащих скажется и Федеральный закон “Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции”, вступивший в действие в 1998 году.

Значительная работа проводится Министерством обороны по практической реализации Итогового документа Международной конференции “Права человека в вооруженных силах демократического государства”, которая была проведена в ноябре 1997 года Комиссией по правам человека совместно с рядом неправительственных правозащитных организаций.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1998 году»

Ред. Чего вам удалось добиться?

В.М. Ярких побед на этом поприще быть не может. Все, что предлагалось, реализовывалось теми структурами, которые должны были эти предложения исполнять, но спустя длительное время. Я не могу вспомнить каких-то существенных прорывов в работе нашей Комиссии, не видела их позже и в Совете. Другое дело, что Владимир Алексеевич Карташкин, например, умел сформулировать проблему так, чтобы получить какое-то распоряжение президента. Он очень грамотный юрист. Для нашей организации Комиссия — структура, безусловно, помогающая. Это усилитель, через который можно получить ответ, что и Михаил Александрович Федотов подчеркивает. При Карташкине это было внове.

До этого ведь, когда в Комиссии работали преимущественно правозащитники-диссиденты, схема была другая. Это был боевой участок, люди идут, чего-то требуют, мы куда-то обращаемся. При Карташкине была сделана попытка посмотреть на проблемы, не скажу более бюрократически, но более обобщенно. И принимать решения, может быть, менее конкретные, но которые все равно эту тему затрагивали. Это был для меня другой опыт, но я считаю, что он тоже был полезным. Очень важно было и уважение друг к другу, к позиции каждого.

Ред. На чем были основаны ваши доклады?

В.М. Мы доклады делали на основе тех материалов, которые нам присылали комитеты солдатских матерей с мест. Ведь еще со времен советского Комитета солдатских матерей существовала большая сеть таких организаций. Мои региональные коллеги сообщали статистику по таким темам, как преступность в войсках, вымогательство, пытки. Сообщали, в какие инстанции сделаны обращения, и мы давали рекомендации, что надо изменить.

Очень долго нам не удавалось добиться признания, что солдаты по призыву должны иметь те же права, что и офицеры. Это психологическая проблема. В докладах, которые делала Комиссия В.А. Карташкина, это, пусть академично, но оформлялось, что тоже было полезно. Ведь все это было

подкреплено цифрами и составляло часть доклада. Не всего удается добиться «в лоб».

Документ

«Разработаны и направлены в войска директивные указания министра обороны от 23 января 1998 года № 172/232 “О мерах по повышению эффективности работы органов военного управления по соблюдению прав человека в Вооруженных Силах Российской Федерации”, в 1998 году в учебные планы общественно-государственной подготовки всех категорий личного состава включена тема “Основные положения международных правовых актов о правах человека”, подготовлено и разослано в войска справочно-методическое пособие по международно-правовым документам о правах человека, утверждена Целевая программа правового воспитания личного состава и укрепления правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации на 1998–2001 годы. Комиссия с удовлетворением отмечает также, что права человека и гражданина-военнослужащего в 1998 году, особенно в сфере социальной защищенности, получали защиту и поддержку в органах военной юстиции и военной прокуратуры».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1998 году»

Ред. А как внутри коллектива это делалось?

В.М. По обычной схеме: каждый писал свой раздел. Потом все эти материалы собирались и обобщались. Надо ведь было соблюдать определенный формат доклада. Я никогда не боролась за увеличение объема. Считала: пусть будет один абзац, но с конкретными цифрами. Убеждена, там были хорошие разделы. Это был способ легально показать наши данные по армии через государственную структуру. Каким другим путем можно было это сделать?

Ред. А общественные обсуждения?

В.М. Конечно, они проводились. Просто много лет прошло, мне надо тогда обращаться к моим ежедневным записям. Осталось общее ощущение, что работали добросовестно и полезно. И, что важно, не было злобного противодействия, которое позже возникло. Не в Комиссии по правам человека, конечно, а извне. Были конкретные моменты, по которым это противодействие возникало. Надо смотреть в городском архиве, куда мы сдавали материалы. Ведь миллионы людей обращались в наши комитеты солдатских матерей, полстраны — не меньше. К нам приходили бабушки и дедушки теперешних призывников, детей которых (а они уже сами сейчас родители) мы выручали.

Ред. Почему пошло попятное движение?

В.М. Иначе, вероятно, и не могло быть. После жесткого диссидентского наступления начался обратный процесс, государственная «реконкиста».

Ред. Как работалось в Комиссии?

В.М. Неплохо, дружно. Относились друг к другу очень доброжелательно. Некоторые члены Комиссии давно знали друг друга, другие недавно познакомились. Я там, конечно, была экзотической фигурой — все-таки в Комиссии доминировали ученые из исследовательских институтов и сотрудники госструктур, государственные эксперты. Людей из общественных организаций, таких, как я, было немного. Но нас воспринимали всерьез, к нам прислушивались.

Ред. Кто особенно запомнился по своим активным выступлениям?

В.М. Посещали заседания все исправно, если кто-то отсутствовал, то по уважительной причине. Вильям Викторович Смирнов активно работал. Вячеслав Никонов всегда делал дельные предложения по международным делам. Я бы сказала, что стиль был такой: отсутствие какого-либо экстремизма и надежность.

Понятно, что нельзя было сделать много. Но я считаю, что В.А. Карташкин — молодец. Ему тоже было трудно. Для него это тоже был новый поворот, новый ракурс в работе.

Ред. В Комиссии был кто-то из ваших давних друзей или знакомых?

В.М. По-моему, нет, это мог быть скорее кто-то из предыдущего состава.

Я сейчас полностью сосредоточена на работе Совета при министре обороны, созданного еще при Сергее Борисовиче Иванове. Там работа идет эффективно. Раз сказали, два сказали — и министру деваться некуда. Он должен распоряжение давать, поскольку есть прямой контакт. В Комиссии же воздействие было опосредованное.

Ред. Но в целом вы оцениваете свою работу в Комиссии позитивно?

В.М. Конечно, это в моей работе был очень полезный эпизод. Подчеркну еще раз: там были очень грамотные юристы, мы с чем-то не соглашались, что-то отстаивали. И когда Комиссия закончила свою работу, было чувство потери. Мы совершенно не знали, что будет дальше, во что этот институт общества превратится. Было тревожно — ведь закрылся канал специфического влияния. Но, слава богу, преемственность продолжалась, пришла Ида Куклина.

Ред. Вы следите за работой нынешнего Совета?

В.М. Я контактирую с Идой Николаевной Куклиной. Ведь нынешний Совет эклектичен — я думаю, это всем видно. Предыдущий, до 2012 года, состав Совета был куда более консолидированным. Мне трудно понять, как председатель, имея в составе столько людей с совершенно

противоположными позициями, может вырлиться на что-то полезное. Тем не менее такая структура нужна. В Совет все же можно обратиться, если какая-то ситуация по-другому не решается, оставив за скобками его противоречия.

Ред. Положением в армейских делах вы сейчас довольны?

В. М. Дело в том, что все изменилось. Хотя кое-какие ошибки повторяются. Например, не первый раз наше военное ведомство отрещивается от своих военных... Безусловно, если к нам в Комитет солдатских матерей обратятся их родственники или друзья, мы будем, как всегда, запрашивать Генеральную прокуратуру, Военную прокуратуру. Нам для запроса нужны точные данные — фамилия, имя, отчество, номер части, год рождения, обстоятельства случившегося. Когда к нам обращаются, мы всегда стараемся помочь, вместе с журналистами, с родственниками.

Что же касается нового облика армии, то мы сейчас имеем приличные Вооруженные силы, реформированные в части управления и всего остального. Но вернулось насилие, именно офицерское насилие. И, что характерно, этим занимаются молодые офицеры — старшие лейтенанты, капитаны, ротные, батальонные... Появились беглецы, сейчас даже из Крыма. У нас раньше вообще никто не бежал, потому что можно было позвонить. А сколько избитых за этот год мы по психушкам распихали! Потому что ребята просто боятся возвращаться в часть. Они находятся в депрессивном состоянии, мы в подобном масштабе давно с таким не сталкивались.

И все же многие решения в нашей сфере, которые можно было получить от президента, мы получили. Все работает. А в нынешнем Совете по правам человека вопросами защиты прав военнослужащих занимаются люди, которые придерживаются диаметрально противоположных по отношению к нашим позиций, и сближения не предвидится. Это те, с кем мы расстались уже давно и чья безответственность, чьи действия по отношению к военнослужащим-призывникам вызывают глубокое разочарование. Мы не сотрудничаем ни с теми, кто пришел от Минобороны России, ни с теми, кто пришел на крыльях Московской Хельсинкской группы.

Другое дело, что сам Михаил Федотов — человек для сотрудничества абсолютно открытый. Он выслушает, расскажет, посоветует. Ему можно принести предложение и провести его через Совет. Так было, например, с историей открытости военного бюджета в 2012 году.

